

Внезапно снова наступил день, а тень в дереве превратилась в мило улыбающуюся Куренай.

Киба сразу понял, что произошло. "Это была иллюзия? Что это вообще было?"

— Ова рета но дзютсу (Преследуемая жертва), — сказала Куренай, спрыгивая с дерева. — Это грубое гендзютсу, которым я не слишком хорошо владею.

— Для меня вы были великолепны, — заметил Киба, чувствуя, как у него все еще колотится сердце.

— Спасибо, Киба, — сказала Куренай. — Но ты пока не можешь отличить это от моих действительно хороших иллюзий. По крайней мере, пока.

— Логично предположить, что вы хотите, чтобы мы освоили именно это гендзютсу, — обычным твердым, но тихим голосом произнес Шино.

— Верно, — подтвердила Куренай. — Я знаю только одного другого Инузука, который использовал эту иллюзию. Когда его пес рычал рядом с ним, это было чрезвычайно эффективно. Это отлично нарушало взаимодействие противников, позволяя расправляться с ними по одиночке.

— Я могу представить это. Мне так хотелось убежать, — с дрожью сказал Киба. — Но почему не было убийственной интенции?

— Две причины, — ответила Куренай. — Во-первых, это гендзютсу призвано вызвать у противников желание бежать или сражаться, желательно бежать. Убийственная интенция же часто приводит к тому, что противник замирает на месте. Опытные шиноби настолько привыкли к убийственной интенции, что ее присутствие заставило бы их распознать иллюзию и рассеять ее гораздо проще. А во-вторых, вы мои ученики, и я не хочу подвергать вас убийственной интенции без необходимости.

— Так ты предпочла, чтобы я обмочился? — съязвил Киба, заслужив осуждающий взгляд Куренай.

— Это гендзютсу предназначено исключительно для запугивания, его следует использовать при нападении на вражескую команду. Идеально, если один из вас будет спрятан, а другой активирует иллюзию и начнет "охоту" на противника.

— Для уточнения, — сказал Шино. — Лучше всего использовать это, если один из нас спрятан, предпочтительно на возвышении. Мы активируем иллюзию, чтобы вынудить врагов рассредоточиться или замешкаться?

— Верно, — просто ответила Куренай. — Теперь, как я уже сказала, это не слишком сложное гендзютсу.

— Превращать день в ночь, становиться тенью и заставлять свои глаза светиться - это не сложно? — спросил Киба.

Куренай рассмеялась:

— Большую часть работы делает разум вашего противника. Я, конечно, приукрасила кое-что, чтобы усилить эффект, и вы тоже сможете это делать со временем. Сейчас мы сосредоточимся на том, чтобы заставить цель почувствовать, что за ней охотятся. По мере того, как вы станете

лучше в этом, я помогу вам начать добавлять свои собственные изменения.

— То есть я смогу дать мне и Акамару светящиеся белые или красные глаза вместо желтых?

— Абсолютно, — подтвердила Куренай.

— Хм, — промычал Шино. — Так он видел тени, а я слышал шаги вокруг. Это еще один эффект того, что работу делает мой разум?

— Не совсем, — сказала Куренай. — Я использовала для вас обоих слегка разные версии, чтобы дать вам творческие способы манипулировать иллюзией. Для тебя, Шино, я использовала звуки, потому что посчитала, что ты сможешь работать с ними, учитывая твою предрасположенность к насекомым.

— Понятно, — кивнул Шино. — Логично, что многие люди чувствуют себя некомфортно из-за одного-двух насекомых, но если они услышат целый рой...

— Ты схватываешь суть, Шино, — с улыбкой сказала Куренай своему ученику. — Теперь давайте начнем работать.

Киба, разумеется, широко оскалился в зверином оскале.

— Учиха Саске, ты понимаешь свое место?

— Мое место - служить деревне, — безэмоционально ответил Саске.

— Почему ты служишь деревне?

— Я служу деревне, потому что она служит мне взамен.

— Какова твоя награда за службу?

— Знания и обещание вечной тьмы, — ответил он.

— И что ты сделаешь с теми знаниями, что мы тебе щедро дарим?

— Я буду служить в лучших интересах деревни.

— А твоя награда, когда ты послужишь, обретешь знания и найдешь свое место в вечной тьме?

— Мне будет дарована привилегия получить команду ассасинов, чтобы помогать мне в поимке предателей Конохи.

— И кто твоя первая цель?

— Учиха Итачи, — с гадкой ухмылкой в уголках губ ответил он, не в силах ее сдержать.

— Каковы твои инструкции на ближайшие четыре недели?

— Мне приказано завтра присоединиться к своей команде. Я должен сотрудничать с ними и не подвергать их опасности. Я должен извиниться перед адъюнк-сэнсэем и товарищами по команде за невыполнение приказов. Через три недели мы будем допущены к участию в экзамене на чунина, где я должен вместе с командой успешно пройти первые две фазы. Мне

нельзя ослушаться приказов лидера команды, назначенного Какаши. Я должен крепко держать под контролем свои темные порывы до завершения второй фазы экзамена.

По завершении второй фазы я должен немедленно явиться к Данзо-сама для обучения. В конце финальной фазы экзамена на чунина, при условии, что я следовал и подчинялся всем предыдущим приказам, я буду повышен в звании и переведен в АНБУ для деятельности в тайных операциях, вне основного обращения.

— Считаешь ли ты, что сможешь следовать этим инструкциям?

— Да, — твердо ответил Саске.

— Хорошо, — сказал допрашивавший и напал на Саске.

Саске мгновенно защитился, отбив куна-тай своим новым тайто. Он уже хотел ударить в ответ, когда его пронзил мощный разряд.

Нападавший остановился:

— Хорошо, что эта печать все еще действует, и ты по-прежнему видишь в шиноби Конохи союзников. Помни, печать сработает только в том случае, если ты собираешься убить союзника. Так что будь осторожен, если во время экзамена тебе придется сражаться с кем-то из Конохи. Мы бы не хотели зря выводить тебя из строя до конца экзамена.

— Я буду внимательнее, — ответил Саске, поднимаясь на ноги.

Со стороны наблюдали невидимые Данзо и Сару-тоби, пока Саске проходил дальнейшее тестирование.

— Он хорошо усвоил курс обусловленного обучения, — заметил Хирузен. — Особенно учитывая, что на него было всего три недели.

— Были опасные моменты, когда он действительно переставал видеть в шиноби Конохи союзников. Я считаю, теперь он окончательно признал нас своими союзниками и верит, что мы искренне хотим помочь ему достичь его целей, — с самодовольством пояснил Данзо.

— Хорошая работа, — хмуро сказал Сару-тоби. — Он может вернуться к своей команде.

— Кого ты назначишь их лидером на экзамене?

— Позволю Какаши самому решить, — ответил Хирузен.

— Узумаки-сан добился довольно впечатляющего прогресса за последние несколько недель, — заметил Данзо. — Он еще может стать великолепным оружием для деревни.

— Он все еще наивен, но продвигается неплохо, — кивнул Хирузен. — Думаю, на данный момент Харуно-сан более зрелая, чтобы управлять этой командой, но возможно, лишь Узумаки-сан достаточно силен, чтобы держать Учиху-сана в узде, если повторится ситуация, как на Ками-но-Куни.

— Я продолжу наблюдение за тренировками мальчика, — сказал Данзо, отворачиваясь от наблюдения за тренировкой Саске. Он сел за маленький столик и налил чаю себе и хокаге.

Хирузен присоединился к нему немногим позже.

"Хорошо, но никакого вмешательства. Думаю, этот мальчик сейчас гораздо больше лоялен к нашей деревне, чем ты", — подумал старый Хирузен.

-- Этот юноша еще не обладает необходимой решимостью, -- произнес Данзо.

Саругоби гневно взглянул на него: -- Вот для чего я терплю тебя, не правда ли? Я уже закрывал глаза на многие твои выходки. Не заставляй меня жалеть об этом.

-- А что скажешь о своей глупой терпимости к бойкоту Хьюга? -- с равным гневом парировал Данзо.

-- Мы оба смотрим сквозь пальцы, когда это необходимо, -- отрезал Саругоби, положив конец разговору. -- Благодарю за чай. Меня ждет бумажная работа.

<http://tl.rulate.ru/book/105771/3779166>